

ГЁТЕ
триптих крови

ПИСЬМА КРОВИ
Александр Агамальянц

Александр Агамальянц
Письма крови. Гёте.
Триптих крови

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11278835
ISBN 9785447415990

Аннотация

Когда-то я мечтал лишь об одном – вырваться из серого мира скучных бургеров. Мечта сбылась, мне открылся новый мир абсолютной свободы и вечной жизни. Плата за это счастье – неутолимая жажда человеческой крови. Вполне приемлемо, на мой вкус. Вот только вечность сама по себе пуста и бессмысленна, а во тьме ночей скрываются свирепые твари, ненавидящие все, что не порождено Преисподней. Что станет смыслом и целью моей жизни – вечная ненависть или вечная любовь? И так ли они отделены друг от друга?

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	25
Глава третья	45
Глава четвертая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Письма крови

Гёте. Триптих крови

Александр Агамальянц

Дизайнер обложки Даниил Морозов

© Александр Агамальянц, 2020

© Даниил Морозов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-1599-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Эта ночь никогда не закончится —
Ледяной монолит из черного хрусталя,
Вращенный заблудшими духами
Из отчаяния, страха и боли.

Я замурован где-то у его основания,
Лишенный сил и желания вырваться,
Пробиться к солнцу... холодному,
Мёртвому, застывшему в зимнем небе.

Моя темница стала теперь моим миром.

Мир-мираж, перекресток яви и грёз,
Где я наслаждаюсь своими мечтами
И борюсь со своими кошмарами.
Яростно и отчаянно я сражаюсь
За каждую крупицу сознания.
За каждый обрывок воспоминаний —
Их, и так, осталось немного.

В той бесконечной ночи я мечтаю
Лишь о твоих поцелуях
И пишу тебе письма, полные страсти,
И посвящаю тебе стихи с изящной рифмой.

Но у меня нет ни пера, ни бумаги
Лишь мое тело и куски черного хрусталя.
И я не знаю уже других букв,
Кроме причудливого узора из шрамов.

Эти письма ты никогда не прочтешь.
Эта ночь никогда не закончится...

Глава первая

1

Иногда мне снится, что я живу в другом мире, радостном и наполненном солнечным светом, сочиняю стихи и занимаюсь наукой. Представляете, душа моя – солнце, которое не сожжет меня дотла, а, наоборот, приятно греет кожу?! Наверное, в таком мире и ваш театр был бы не столь несбыточной мечтой и явно имел бы большой успех, зная ваш талант и вкус. Однако потом я просыпаюсь и снова оказываюсь в нашем темном и печальном мире. Мире вечной ночи и минорных нот. Мире вечной кровавой охоты, в которой зачастую непонятно, кто охотник, кто дичь, а кому просто не повезло родиться здесь. Видимо, эти странные сны связаны с тем, что я очень устал от такой жизни и очень хочу забыть и ее и даже собственное имя, но – увы, – я не могу позволить себе такой роскоши.

Я – Гёте, бессмертный вампир...

Я – Гёте, проклятый кровопийца...

Я – Гёте, потрошитель демонов...

Да, мое счастье, вам не показалось — именно демонов. На мой взгляд, странно, что такие как мы считают маловероятным существование каких-либо потусторонних форм жизни и относят их, в лучшем случае, к культурному наследию, но факт остается фактом — в некоторых закоулках нашего мира полно странных мест, служащих домом для существ отвратительных и враждебных самой его природе. Где-то это прибежища одиноких сущностей, неведомо как прорвавшихся сквозь пелену пространства и эфира; где-то это норы для стай хищников, настолько опасных, что даже хорошо вооруженному и подготовленному человеку не стоило бы оказаться там в одиночку; где-то это настоящие храмы, посвященные повелителям преисподней, а иногда — целые крепости или небольшие поселения.

Я видел много странных и страшных вещей. Еще больше — отвратительных и совершенно неподдающихся объяснению. Но что-то подсказывает мне, что я лишь слегка приоткрыл завесу этой тайны, не более чем подглядываю в замочную скважину на двери, за которой скрыт мир еще ужаснее, чем тот, в котором я и мне подобные вынуждены существовать. Ведь, признайтесь, моя милая, несмотря на все опасности и ограничения нашего существования, само по себе оно вполне нас устраивает. Не побоюсь утверждать, что мы получаем определенное, слегка противоестественное удовольствие от нашей ночной жизни, от нашего

вечного одиночества и приступов черной тоски, вызванных скорее пресыщенностью и вседозволенностью, нежели возвышенными идеями, от нашей кровавой охоты на простых смертных, к числу которых мы некогда принадлежали.

А теперь вспомните тот азарт, ту легкую дрожь, пробегающую по телу, когда следите за человеком, который через несколько минут станет вашей пищей. Когда незаметно провожаешь его по освещенным фонарями центральным улицам к темноте окраин, хватаешь и жадно вгрызаешься в шею в ближайшем безлюдном проулке. Или когда играете в обольстительницу, заводите жертву в ваш будуар, где любовная прелюдия превратится в агонию. Вспомнили? Отлично, моя дорогая, я никогда не сомневался в богатстве вашей фантазии! Сейчас же сделайте еще одно маленькое усилие и представьте в подобных ситуациях себя... в роли жертвы. Но только сделать с вами могут гораздо более страшные вещи, чем мы можем себе позволить сделать со смертными, имея даже самую извращенную и болезненную фантазию. Даже наши давным-давно обреченные на адские муки души может ждать участь гораздо страшнее этой. Страшнее настолько, что мы будем мечтать о Геенне.

К счастью, любая нечисть сторонится больших скоплений людей, освященной земли и бегущей воды. Не знаю почему, никому из нашего племени подобные проблемы не зна-

комы. С другой стороны, подобные феномены позволяют окончательно разрешить спор между атеистами и верующими в пользу последних. Бог определенно есть. Уж не знаю, как он выглядит и насколько ему интересны наши молитвы, судьбы и души, но сомневаться в его существовании я более не смею, хотя ранее склонялся к обратному. Доверяйте своему чутью, моё сердце, не задерживайтесь в трущобах, обходите заброшенные строения с дурным запахом и воздухом, вызывающим озноб, не стыдитесь лишний раз зайти в церковь и вы будете в безопасности. Если заметили странные тени или слышали неразборчивое бормотание за спиной – уходите скорее (вы же помните – к людным местам, освященной земле или бегущей воде) и вы будете в безопасности. Отвергните мысль отдохнуть от шума и суеты больших городов в Богом забытой деревушке и вы будете в безопасности. Возможно, вы за всю жизнь ни разу не столкнетесь с тем, о чем я пишу сейчас, и буду писать в дальнейшем. И я буду крайне счастлив, если так и произойдет. Пусть лучше вы будете считать меня фантазером и безумцем, нежели узнаете хотя бы толику того кошмара, с которым довелось столкнуться мне.

2

Что ж, невольно я затянул со вступлением, но теперь перехожу непосредственно, к делу. Это уже не первое такое

письмо, которое я пишу вам, однако, ни одно из предыдущих так и не было отправлено – все они отправились в огонь. Не знаю, по какой причине это происходило. Возможно, мне не хватает смелости раскрыть вам душу и страшно, что вы не поверите ни единому слову. Возможно, я слишком трепетно отношусь к вам, и само мое естество противится вовлечению вас в события скрытой части моей жизни. Возможно, некая воля Проведения направляет мою руку, сжимающую исписанную пачку бумаги, к ближайшему камину или, на худой конец, свече. Я не могу это объяснить, надеюсь только, что это послание будет вам вручено и вами прочитано несмотря ни на какие обстоятельства. Увы, чтение будет не самым быстрым и, возможно, не самым увлекательным, потому что мне не удастся избежать описания ключевых моментов и персонажей моей биографии, начиная еще со «смертных» времен, но, полагаю, что вы простите мне это неудобство. Итак, начнем.

Всё началось около ста пятидесяти лет назад. Тогда я был юн, полон надежд сделать карьеру юриста, встретить свою единственную и всё прочее, о чем мечтали студенты того времени и, скорее всего, и наших дней тоже. Отец устроил меня на самую незначительную должность в адвокатскую контору одного из самых Богом забытых городков на севере нынешней Германии, название которого вам ничего не скажет, а я, по ряду причин, приложил все усилия, чтобы за-

быть его как страшный сон. Зарплата была не ахти какая, зато сразу работа по профессии и худо-бедно маячившие перспективы роста в обозримом будущем. Также, контора оплачивала мое проживание в комнате-клоповнике под самой крышей местной гостиницы и некоторые канцелярские расходы. В целом, для местных цен получалось терпимо, хотя и приходилось порой затягивать пояс потуже, особенно, после очередной пирушки, без которых вряд ли обходится жизнь самостоятельного юноши.

Так прошли месяца четыре моей жизни. За это время не произошло ровным счетом ничего интересного и достойного внимания. Обычная жизнь смертного, которая кажется гонкой за всевозможными благами и успехом, а, по сути, бессмысленное растрачивание самого ценного ресурса, которым он обладает, – времени. Хотя, у некоторых и получается мудро им распоряжаться, меня к таковым вряд ли можно было отнести. Мои унылые будни чередовались с безудержным (насколько позволяло скромное жалованье) весельем по вечерам и выходным или не менее унылым плеванием в потолок в периоды безденежья. Меня почти ничего не интересовало, я перестал читать книги, что ранее мне очень нравилось, да и просто прогуляться в одиночестве по свежему воздуху, отдавшись размышлениям о высоких материях, для меня стало чуть ли не роскошью. Я осознавал, что медленно, но верно, гнию заживо в этой дыре, но не имел

ни возможности, ни, будем честны, особого желания что-либо изменить.

Но, видимо, какая-то часть меня, все же, сопротивлялась окутавшей бытовой безысходности и искренне цеплялась за самые незначительные, на первый взгляд, поводы привести что-то новое в мою жизнь. Парадоксально, но действительно невзрачные мелочи оказались более чем способны с этой задачей справиться. Пройти с работы и на работу, слегка изменив маршрут, немного разнообразить рацион, лишний раз перебрать бумаги на рабочем столе – такая ерунда вернула меня к жизни на некоторое время, еще на два месяца или чуть больше. Потом всё начало скатываться обратно в болото, но именно в это время произошло первое судьбоносное событие в моей истории.

Как и все судьбоносные встречи, встреча с Шарлоттой произошла совершенно случайно, неожиданно и при совершенно неподходящих для этого обстоятельствах. И, конечно же, это случилось совсем не так, как грезили юные романтики того времени. Не было снежного декабрьского вечера, двух одиноких прохожих на пустынной улице, нечаянно оброненных платков и всего такого прочего. Мы совершенно банально столкнулись в небольшой антикварной лавке, бывшей попутно и единственным книжным магазином в городке. И никаких искр настоящей любви с первого взгляда

между нами не проскакивало, скорее наоборот – случилась за малым не ссора из-за разницы в литературных предпочтениях. Будучи в веселом настроении и дерзким по натуре человеком, я не удержался от язвительного комментария в адрес сборника сентиментальной лирики, который она только что купила. Признаюсь вам, моя драгоценная, мне до сих пор бывает стыдно за то, что не сообразил тогда, что в подобном медвежьем углу не такой уж и богатый выбор литературы и зачастую приходится довольствоваться самыми бессмысленными и бездарными творениями.

После этого я не видел Шарлотту пару недель и уже подзабыл о ней. Тем более что вскоре после нашей встречи, в моей жизни случилось событие, ставшее без сомнения поворотным. В один из душных июльских вечеров в соседней комнате появился новый жилец, снявший ее на очень длительный срок. Это был молодой человек, внешне примерно моего возраста, с живым пронзительным взглядом и не менее живой речью, намекавшей, как минимум, о хорошем образовании и широком кругозоре. Он представился Вильгельмом и назвался архитектором, прибывшим для работы с местной церковью. Также он рассказал, что с детства страдает мигренями и проблемами со зрением, отчего предпочитает работать по ночам, когда не так жарко, шумно и нет солнца. Как вы догадываетесь, тогда я совершенно не предал этому значения, хотя и отметил некоторую странность подобного

образа жизни. А спустя некоторое время у меня появилось так много работы с документами, что приходилось задерживаться допоздна, и домой я возвращался как раз в то время, когда Вильгельм уже просыпался, и наш общение завязалось как-то само собой.

3

Вильгельм оказался интереснейшим собеседником, что несказанно обрадовало меня, чей мозг уже начинал чахнуть от отсутствия достойного разговора. Литература, философия, история, естественные науки и многое другое – мы могли часами проводить за беседой и зачастую я узнавал какие-то новые для себя вещи, хотя уже тогда мог без лишней скромности назвать себя весьма образованным и развитым человеком. А, вот, вопросы экономики и права были темным лесом уже для Вильгельма. Казалось, его совсем не интересовала мирская жизнь. В своей увлеченности искусством и наукой, вечными ценностями по его словам, и полной отрешенности от обыденной жизни, он напоминал мне некоего странного отшельника, который хоть и ходит меж простых смертных, но живет в каком-то своем, особом мире со своими законами. И нет ничего удивительного, что вскоре мне страстно захотелось лучше узнать, что же это за мир. Тогда мне казалось, что именно такой образ мышления и жизни станет для меня спасением от тлетворной рутины провинци-

ального быта. Оглядываясь назад, могу сказать лишь одно – действительно бойтесь своих желаний, потому что они могут сбыться.

А примерно через месяц после встречи в антикварной лавке я вновь встретился с Шарлоттой. На этот раз на пикнике, куда меня вытащили друзья из моей конторы под предлогом того, что я совершенно забыл о них. Отчасти это было правдой, но я не могу сказать, что сильно жалел об этом, получив гораздо более достойную замену в лице Вильгельма. Итак, вторая встреча с Шарлоттой прошла гораздо более миролюбиво – мы вспомнили друг друга, я принес извинения за свое острословие, мы вместе посмеялись на тем случае и тяготами провинциальных книголюбов, а после нашли еще много тем для беседы. День пролетел совершенно незаметно, мои друзья отчитали меня, что я даже будучи рядом почти не уделял им внимания, а я слушал их через слово и слегка улыбался как, собственно, и положено любому юноше впервые влюбившемуся всерьез.

Неудивительно, что я не мог заснуть допоздна и, как только мне показалось, что Вильгельм не занят работой, я тут же постучал в его комнату и полночи изливал душу, рассказывая о великолепной Шарлотте, ее красоте, уме, своих чувствах и прочее и прочее. Мой друг очень порадовался за меня и сказал, что непременно следует добиваться своего,

несмотря на то, что жених я был не самый завидный. В конце концов, действительно «есть целый мир вне Рима» и мы с моей избранницей могли бы сбежать из города, благо, она призналась, что ее тоже тяготит местная атмосфера. Вильгельм оказался увлечен романтическими идеями не меньше, чем я, и мы восторженно строили самые невероятные планы моей будущей семейной жизни.

У меня был хороший и верный друг.

Я был влюблен в прекраснейшую девушку на свете.

Я был счастлив.

О, как же я был глуп и наивен тогда. Ведь именно эта ночная беседа, которая вдохновила меня на подвиги ради своей прекрасной дамы, стала первой ступенью лестницы, ведущей в самые глубины Тартара. Лестницы, по которой я спускаюсь по сей день, и не видно ей конца. Но, положив руку на сердце, я скажу, что не изменил бы ни слова, сказанного тогда, ни единого намерения, будь у меня такая возможность. Да, счастье мое, только пройдя омовение в кровавой купели, что ждало меня в недалеком будущем, я смог по-настоящему освободиться и открыть для себя тот мир, о котором так долго мечтал. Как бы цинично и жестоко это ни звучало, все жертвы были принесены не напрасно.

Тем более что они были бы принесены в любом случае.

А сейчас у меня хотя бы есть возможность воздать за них по заслугам.

Даже, если придется безвозвратно низойти в бездну.

Но в тот момент я даже не мог подозревать ни о чем подобном и заснул со счастливой улыбкой на лице. Работа в конторе больше не казалась мне такой нудной и давалась с еще большей легкостью, чем обычно, жалование больше не проматывалось неизвестно на что, а бережно откладывалось, и, при каждой возможности, я искал встречи со своей прекрасной Шарлоттой, моим белокурый ангелом с изящной, почти воздушной фигурой и звонким смехом. И, к моему счастью, она не отвергала моего внимания, а принимала его охотно и с большой радостью. Когда же я признался ей в своих чувствах, она тотчас ответила, что испытывает подобное влечение, и наш первый поцелуй был полон того самого огня, о котором так любят писать поэты всех мастей. Даже спустя столько лет, я помню его, как если бы все случилось минуту назад. Простите меня, моя королева, если вызвал этими откровениями у вас чувство ревности, но прошлое не изменишь и, зачастую, оно накладывает неизгладимые отпечатки на всем будущем.

Что ж, если первые полгода моей жизни на новом месте были по увлекательности и жизнерадостности похожи на празднество флагеллантов, то следующие четыре месяца походили на старую добрую сказку, которая медленно, но верно, приближалась к фразе «и жили они долго и счастливо». Не за горами было Рождество, и мы с Шарлоттой планировали, что в один из праздничных дней я буду представлен ее родителям и официально попрошу ее руки, как того требовали правила приличия. Несмотря на закат осени, мы цвели и сияли, совершенно не замечая холодного увядающего мира вокруг нас. Как выяснилось – зря.

Не только цветы и деревья страдают от прикосновения зимы.

Но даже самые светлые мечты, оберегаемые жаром наших сердец,

разбиваются вдребезги, срезанные ее ледяным серпом.

Письмо от Шарлотты с просьбой срочно встретиться я, будто специально, получил в один из самых мерзких декабрьских дней. Уже давно было холодно, но еще не доста-

точно холодно для того, чтобы снег держался, и на город обрушивались потоки грязи, спасения от которой не было нигде, потому что ветер часто любил менять направление. Конечно, это не стало для меня преградой перед встречей с любимой, но навевало крайне дурные предчувствия – ради какого-то пустяка она точно не стала бы настаивать на встрече в такую погоду. И, стоило мне увидеть свою принцессу, как я понял, что предчувствия не обманули. Впрочем, это только радость бывает обманчива, несчастья же почти никогда не нарушают данного слова и приходят ровно в назначенный срок. Стоит тебе хоть на каплю переполнить отведенную тебе чашу счастья, как она опрокинется и перед тобой предстанет смрадное корыто лишений, не имеющее дна.

Не дав вымолвить мне ни слова, Шарлотта бросилась мне на грудь и разрыдалась, совершенно не обращая внимания, что мы находились далеко не в самом уединенном месте, и такое поведение могло не лучшим образом сказаться на ее репутации. Я пытался успокоить ее всеми силами, но тщетно. Осталось лишь обнять ее как можно крепче и ждать, пока она успокоится. В конце концов, мы уже почти помолвлены и можем себе позволить некоторые вольности. Наконец, моя возлюбленная пришла в себя и, все еще изредка всхлипывая, подняла на меня свой взор. Спустя несколько минут моя жизнь была разбита вдребезги.

Не будет у меня ни прекрасной Шарлотты, ни красивой свадьбы, ни долго и счастливо. Мироздание отказало нам даже в праве умереть в один день. Этот унылый, тоскливый мир безмятежных бургеров и бездарных стихов снова победил меня. Стоило мне ненадолго потерять бдительность, как он подкрался и нанес смертельный удар. Семья моей возлюбленной, некогда довольно зажиточная, оказалась на грани нищеты и голодной смерти – отец был сильно болен, младшие сестры были еще совсем детьми и могли, разве что, делать мелкую работу по хозяйству, долги выросли до непомерных размеров и даже продажа всего имущества, включая одежду, не погасила бы их.

Понятно, что в такой ситуации, глава семьи принял единственно верное для него решение – выдать старшую дочь, мою прекрасную, драгоценную Шарлотту, замуж за одного из местных богачей. Их было не так и много, всех их я знал в лицо и ни одного не желал бы видеть даже просто стоящим рядом с моей принцессой. И, конечно же, она, как преданная и любящая дочь, подчинилась воле отца. Хотя, мало кто бы не подчинился, делая привычный для смертных выбор между личным счастьем и выживанием семьи. Меня будто вывернуло наизнанку, пока я слушал Шарлотту. Я даже не помню, сказал ли я ей что либо в ответ или просто побрел в свой клоповник по кривым улочкам, залитым грязью, которая была у нас вместо снега.

Я уже в аду? Нет, все еще по уши в дерьме...

Да, дорогая моя, хоть я сказал в самом начал письма, что видел и пережил поистине ужасные вещи, свое состояние в тот момент я никогда не забуду и не пожелаю такого даже самому злейшему из своих врагов. Если бы с меня сняли кожу и обсыпали солью, я бы не так страдал, как тогда. Я не преувеличиваю, душа моя, вовсе нет. Полагаю, вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы поверить на слово. Я был полностью обессилен, подавлен и практически убит. Остатков моего мужества хватило лишь на то, чтобы решиться добить себя алкоголем. Да, я беспробудно запил, точно так, как поступают самые последние и недостойны из смертных. Мое восстание против безысходности бытия провалилось и было жестоко подавлено. Прометей с его огненным сердцем оказался не нужен людям, привыкшим жить в холоде и печали. Орфей не спустился в ад и не победил смерть – он просто спился в затхлой камерке.

Я не помню, сколько дней я существовал в столь жалком и презренном виде. Вам, наверное, сложно представить меня в облике безвольного пьяницы с трясущимися руками, неспособного связать двух слов и практически забывшего собственное имя. Но я был и таким. Скажу больше, в том, что я не остался таким до конца дней, нет ни малейшей мо-

ей заслуги – разум мой помутился настолько, что подобное скотское существование его вполне устраивало. В общем-то, оно устраивало всех вокруг, им просто не было до меня дела. Никому на всей земле. Никому, кроме моего доброго друга Вильгельма. Однажды ночью он просто ворвался в мою комнату, схватил меня в охапку и потащил мыться. Поначалу я сопротивлялся, кажется, мне было очень страшно в тот миг и казалось, что черти явились утащить меня в ад. Но потом разум все же проснулся и постепенно начала возвращаться ясность сознания.

Спустя еще пару часов я сидел в комнате Вильгельма мокрый, с трудом понимающий, где нахожусь и что происходит, какой сейчас день, кто сидит перед ним и так далее. Я был подобен противоестественному уродливому ребенку, заново осваивающему окружающий мир. Это состояние длилось еще около часа. В конце концов, я уже полностью пришел в себя, но по-прежнему пребывал в чернейшей печали. Вильгельм выслушал мои стенания, затем положил руку на плечо и сказал: «Друг мой, мне безумно жаль тебя. Мне безумно жаль, что люди, подобные тебе, способные принести столько красоты в этот мир, способные сделать его совершенным, вынуждены страдать из-за жалких, надуманных проблем, которые бы никогда не возникли, если бы люди не были столь мелочны и злобны. Ты же не хуже меня знаешь, что большинство из них просто алчный и завистливый скот, годный толь-

ко в пищу как свиньи или коровы». Я перебил Вильгельма, заговорив впервые за долгое время: «Но чем больше грязи и страданий вокруг, тем ярче и ценнее алмазы истинной добродетели и таланта». Вильгельм по-отечески приобнял меня и практически шептал мне в ухо: «Конечно. Но только до той поры, пока эти алмазы не утонут в грязи. Если хочешь жить в мире, где можно посвятить себя поискам высших ценностей, тебе нужно полностью отречься от этого мира. Все, что дает ему жизнь, должно стать для тебя злейшей опасностью. Все, что питает его, не сможешь ты более взять в рот. Все, кто правит им, впредь должны стать для тебя не более, чем скотом. И поступать с ними ты должен подобно тому, как поступают со скотом — питаться ими, их теплой кровью, их ничемными жизнями. Ради своей вечной жизни, которую ты сможешь наполнить тем, чего сам пожелаешь. Ради страшной свободы, которую они, твой скот, назовут проклятьем, ибо никогда не будут способны принять ее. Ради истинного совершенства, красота которого лежит за пределами добра, морали и всей их фальшивой добродетели.

Друг мой, Гёте, готов ли ты к этой свободе, свободе вечного изгоя и парии?!».

«Да, готов, этот мир мне ненавистен и более ничем не держит...».

И тотчас мой добрый друг Вильгельм с рыком впился мне в шею...

Глава вторая

5

Не знаю, как у вас, моя дорогая, но никто, из небольшого числа встреченных мною представителей нашего рода, никогда не говорил о тех ощущениях, которые довелось пережить ему в момент преступления врат вечности. Возможно, есть некое негласное правило, которое мне неизвестно, либо по каким-то причинам каждый старается выбросить из памяти все воспоминания, связанные со смертной жизнью, но факт остается фактом. Ни вы, ни даже Вильгельм, друга ближе которого у меня никогда не было и вряд ли будет, никогда не упоминали, как проходило ваше перерождение. Что уж там, я и сам никогда никому не рассказывал этого, хотя, руководствовался скорее соображениями этикета и тем, что подобная тема вряд ли будет интересна для обсуждения. Теперь же я нарушу это странное табу.

Хотелось бы мне сочинить какое-нибудь длинное и возвышенное описание того, что происходило со мной сразу после того, как Вильгельм вонзил клыки в мое горло и жадно начал пить мою кровь. Но, как я ни старался, так и не сумел найти красивых слов. Все, что я помню это океан крови, внезапно утянувший меня в свою пучину. Тогда мне каза-

лось, что кровь была везде и все мироздание соткано из нее. Горячая кровь. Бьющая ключом до самого потолка и багряным дождем нисходящая на мое лицо, заливая глаза и рот, который искривился в попытке издать хотя бы хрип. В тот момент я узнал, что моя жизнь имеет солоноватый и слегка металлический привкус, и удивился, почему раньше не обращал на это внимания.

Еще была боль. Адская боль разорванного горла, сковавшая все мое тело. Все, на что хватало сил, это тщетные попытки поднести руки к ране и попробовать зажать ее. Да, моя милая, животный инстинкт к сохранению своего смертного тела еще никуда не делся. И, в довершение всего, я был шокирован тем фактом, что мой лучший и единственный, на тот момент, друг, который буквально пару часов назад смывал грязь с моего лица, сейчас рвет мне горло с упоением бешеной собаки. Потом на пару секунд наступило просветление рассудка и, за это короткое время, я успел множество раз проклясть себя за то, что так легко попался в ловушку безумного убийцы. Хотя, это был достойный и логичный финал моей жалкой жизни.

Радуга боли над кровавым океаном. Отчаяние и агония.

Бессмысленные, тщетные попытки цепляться за уже потерянную жизнь.

И шепот Вильгельма: «Потерпи, дорогой Гёте. Осталось недолго».

Конечно же, мои страдания продолжались совсем не долго, но не сложно догадаться, что для меня прошла целая вечность. Искренне надеюсь, что вы не испытывали подобных мук, хотя, надо признать, это не самая высокая цена за то, что получаешь взамен. В какой-то момент я был уже не в силах переносить мучения и потерял сознание. Вероятно, это и был тот самый миг, когда ты уже не жив, но душа еще не полностью покинула твоё бренное тело. Боль и отчаяние покинули меня. Более того, появилось чувство полнейшего спокойствия и отрешенности. Всё кончено, дороги назад уже не будет. На дне океана крови я нашел нежные объятия тьмы небытия.

А потом я вернулся на грешную землю. Я был очень слаб, но сразу понял, что больше не являюсь человеком. Мои чувства стали другими – я долго потом пытался понять стали ли они острее или, наоборот, притупились, но так и не нашел ответа. Я просто стал видеть, слышать, осязать и ощущать запахи совершенно по-другому, чем раньше. Чуть позже я узнаю, что и на вкус многие вещи стали не такими как в бытность мою смертным. Шатаюсь, я подошел к небольшому зеркалу в дальнем от меня углу комнаты. Вы, наверное, тоже

слышали эти побасенки, что, такие как мы, не отражаются в зеркалах? Слышал их и я, отчего и решил проверить свою догадку.

Моему удивлению не было предела, когда я увидел в зеркале свое лицо. Свое, но... когда я понял, что вижу перед собой, я отшатнулся. Я выглядел старше лет на пятнадцать! Я повернулся к Вильгельму, который все понял по моему выражению лица, и смущенно улыбнулся. «Прости мне эту маленькую шутку, – сказал он. – Более зрелым ты мне нравишься больше. Но, не бойся – внешне ты более не состаришься ни на день, если только сам не пожелаешь». Первое, что я узнал о своей новой жизни, что во время агонии превращения, человек стареет буквально на глазах, чем и воспользовался Вильгельм, немного продлив мои страдания и слегка изменив мою внешность под свой вкус.

Следующим удивившим меня фактом стало то, что страшная рваная рана на шее затянулась всего за пару минут. Еще через минуту от нее не осталось ни следа, и я мог нормально говорить. «Вот такая она, твоя вечная жизнь и свобода?» – еще немного хрипло спросил я, не скрывая сарказма. А что я действительно пытался скрыть, было мучительное чувство голода. Но Вильгельм и без слов понял, чего мне хочется. «Да, именно такая. Начало обычно не очень приятное, но потом налаживается. Подожди немного, мой доб-

рый друг» – по-прежнему ухмыляясь, промолвил он. Затем мой создатель подошел к двери, вышел в коридор и крикнул: «Агнет, милая, у моего друга пошло носом кровь и надо немного прибраться в комнате». Затем, он жестом велел мне отойти к кровати. Когда порог комнаты переступила служанка, Вильгельм схватил ее за плечи и толкнул ко мне.

«Приятного аппетита, мой добрый Гёте!»

Дверь нашей комнаты захлопнулась, Вильгельм остался возле нее.

Весь мир сжался до широко распахнутых глаз Агнет, полных ужаса.

6

Ах, Агнет. Милая добрая девочка с симпатичным личиком и пухленькой фигуркой типичной селянки. Сколько раз она приносила мне ужин в комнату, когда я забывал о нем, погрузившись в работу. Сколько раз убирала она мой творческий беспорядок. Сколько раз болтала о всякой веселой ерунде, когда я пребывал в дурном расположении духа. И теперь она стояла передо мной, дрожа от страха, а я должен был растерзать это незащищенное существо, как изголодавшийся за зиму волк растерзает несчастного ягненка. Время

будто застыло, секунды сменяли друг друга не быстрее часов. Наконец, Агнет отошла от шока, который вызвало появление окровавленного чудовища, и пронзительно закричала.

В тот же миг очнулся и я. Запрокинул ей голову и повалил на кровать.

Ее крик оборвался в тот миг, когда я вгрызся в ее нежную шею.

Кровь наполнила мой рот. Я не знал жалости. Я делал это с радостью.

Вы помните свою первую трапезу, душа моя? Я считаю, это невозможно забыть! Этот дурманный, терпкий, слегка металлический вкус нельзя было сравнить ни с чем, что я ел или пил, будучи человеком. Тогда кровь казалась совсем другой – липкой, соленой и отталкивающей. Но сейчас – нет, я пил ее жадно и не мог остановиться! Я совершенно выпал из реальности на те несколько минут, что потребовались, чтобы высосать жизнь из несчастной девушки до последней капли. Когда я оторвался от ее бездыханного тела и выпрямился, в голове загудело как после хорошей порции доброго вина. Но я был совершенно трезв и, более того, почувствовал необычайный прилив сил. Это было божественно! Я неспешно вытер лицо рукавом, стараясь подольше насла-

диться запахом моего нового лакомства. Однако моей идиллии не суждено было закончиться спокойно.

«Да что же вы тут творите, чертовы ублюдки?!» – услышал я возглас, переходящий в гортанный рык. Дверь комнаты была распахнута настежь и на пороге стоял ошеломленный детина, работавший в гостинице мастером на все руки и, по совместителю, усмирителем особо буйных клиентов. Видимо, он услышал крик Агнет и решил, что она в опасности. Что ж, он был совершенно прав, но спасти было уже некого. Вышибала двинулся ко мне, и не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять его намерения. Он был выше меня, довольно высокого и крепко сбитого парня, на голову и шире в плечах едва не в полтора раза. Я приготовился защищаться, хотя понимал, что даже вдвоем с Вильгельмом мы имеем мало шансов. Но, вместо короткой и страшной расправы надо мной, произошло то, чего я никак не мог предположить. Верзила сделал пару шагов, как некая сила заставила его остановиться.

Вильгельм, стоявший сзади, держал его за воротник рубашки.

Второй рукой Вильгельм схватил вышибалу за волосы и одним движением оторвал ему голову...

Тело здоровяка рухнуло сначала на колени, а потом бесформенной горой на пол, заливая все вокруг кровью. Почему-то эту кровь пить совсем не хотелось. То ли я насытился, то ли слишком опешил от подобного поворота событий. «Ты тоже так можешь, – пожал плечами Вильгельм. – Позже я расскажу тебе всё о твоём новом „я“. А сейчас поторопись, нам надо немедленно покинуть это место и город тоже. Возьми самые необходимые и ценные вещи и в путь!». Действительно, после той бойни, которую мы невольно устроили, оставаться в городе было бессмысленно. Наши силы были явно не безграничны, а я, вдобавок, вообще очень слабо представлял, кем, или чем, теперь являюсь, что могу и чего нужно опасаться. Не было иного выбора, как вверить свою дальнейшую судьбу Вильгельму и надеяться, что он будет ко мне благосклонен так же, как и ранее. Или правильнее было бы сказать – так же, как мне ранее казалось. С такими мыслями я поспешил в свою комнату.

Собрался я буквально минут за пять. Передел рубашку на чистую, взял кое-что из одежды, деньги, документы, несколько самых любимых книг. На самом деле, я спокойно мог унести все своё имущество, настолько оно было скудным, но решил не отягощать себя даже этим. Я уже готов был уйти, как вспомнил, что забыл самое главное. Подойдя к своей кровати, я ужаснулся, во что превратилось мое ложе

за время моего пьянства и упадка, и начал лихорадочно шарить по нему руками. Усилия оказались не напрасны – спустя небольшое время, я нашел то, что искал. Вы верно уже догадались, моя прелесть, ради чего я мог рисковать, теряя драгоценные минуты? Все верно, это был медальон с портретом мой ненаглядной Шарлотты внутри. Художник был явно не самый талантливый и качество работы оставляло желать много лучшего, но ничего другого у меня просто не было. Я решил, что, как бы ни сложилась моя дальнейшая жизнь, память о своей белокурой принцессе я обязан сохранить.

«Господи, спаси!» – услышал я истеричный визг в коридоре. В один прыжок я оказался у двери и, выйдя из комнаты, увидел хозяина гостиницы, противного сутулого мужчину лет сорока пяти, пятившегося из комнаты Вильгельма. Этого хорька я всегда ненавидел! Впрочем, он всегда отвечал мне взаимностью, ведь мы были, практически воплощением противоположных начал и ценностей. Для меня он олицетворял всю мерзость того мира, который я изгнал из себя этой ночью. Отличный шанс проверить, действительно ли я настолько же силен, как сказал Вильгельм. И еще – отличный шанс поставить жирную точку в истории моей смертной жизни, размашистую роспись под прощальным письмом ненавистному мне миру, который более не имеет надо мной власти. Догнать это нелепое существо не составило никакого труда. Оно пыталось вырываться и начало орать во все гор-

ло в тщетной попытке спасти свою жизнь. Воистину, страх смерти заставляет творить чудеса. «Помогите! – кричал хозяин гостиницы. – Убивают! Люди, помогите!»

«Да заткнись ты!» – рывкнул я, схватил его за челюсть и дернул на себя.

Челюсть поддалась сразу и вышла, будто ничем не крепилась к черепу.

Когда он упал на пол, я раздавил его голову ботинком.

7

На наше счастье зимние ночи длинны. Город покинуть мы уже не успевали, но у нас оставалось еще немного времени, чтобы найти себе укрытие и переждать последствия нашего мрачного пиршества. Руководствуясь принципом, что темнее всего под фонарем, Вильгельм привел меня не куда-нибудь, а в единственную в городе церковь. Оказалось, что он не соврал, когда говорил, что исследует ее архитектуру – в древней постройке нашлось столько укромных уголков, что хватило бы еще на дюжину «постояльцев». Надежно скрыв и укрепив, на всякий случай, наше пристанище, мы соорудили себе импровизированные лежа из подручных материалов и ветоши, и отошли ко сну. Для человека, бук-

важно только что голыми руками убившего троих ни в чем не повинных людей, двое из которых были мне в каком-то смысле даже симпатичны, я спал просто чудесно. Хотя, я уже не был человеком.

Когда солнце скрылось за горизонтом, Вильгельм разбудил меня. Я в очередной раз удивился своему обновленному организму, на этот раз, той бодрости, с которой встретил новый день, точнее, надо было уже привыкать говорить «новая ночь». От привычной сонливости и лени, с которыми я привык встречать рассветы уже много лет, не осталось и следа. Не меньше порадовала меня и способность видеть в темноте. Не так ясно как я видел днем или при хорошем освещении, но достаточно, чтобы понять, что находится вокруг. Вильгельм же прохаживался по погребку, ставшему нашим временным домом, будто мы находились в лучшем номере столичной гостиницы. «Друг мой, Гёте, – привычно начал он, – предлагаю тебе составить мне компанию в прощальной прогулке по этому милому городку. Меня толком никто никогда не видел, тебя никто не узнает – бояться нам нечего. Заодно, нам стоит подкрепиться перед отъездом. С нашим образом жизни довольно сложно путешествовать. Ну, и я обещал тебе рассказать, кем ты теперь являешься – думаю, лучше это сделать на свежем воздухе, чем в затхлой келье».

Я одобрительно кивнул и, осторожно покинув наше убежище, мы отправились прощаться с городом, который, волею судеб, изменил мою жизнь до неузнаваемости, многое дал, но и взял немало. Бояться нам, действительно, было нечего, но и особого выбора у меня тоже не было. Пока я не знаю, как выживать в новом облике, я полностью зави-сим от Вильгельма, хочется мне того или нет. На мое счастье, мой друг тоже это понимал и хотел поскорее разорвать эти узы, чтобы могли быть равны в возможностях. Я видел собратьев, которые крайне деспотично относились к своему «потомству» и использовали их только как слуг, видел и тех, кто перенес патриархальные обычаи смертных и, давая относительную свободу обращенным, стремился влиять на все их поступки и решения. Вильгельма же язык не поворачивался назвать отцом, создателем либо еще как-то в таком роде, да он и сам ни к чему такому не стремился. Он разглядел во мне какую-то искру, которой посчитал нужным дать шанс на бессмертие, остальное было уже полностью в моих руках.

На этот раз мы были гораздо осмотрительнее в выборе пи-щи и мест для трапезы. Спешить необходимости не было, и мы позволили себе немного поиграть в кошки-мышки внача-ле с одной юной барышней с городских окраин, а потом с другой, уже постарше, но не менее приятной на вкус. Тела мы спрятали достаточно хорошо, чтобы их не нашли сразу, но успели найти и похоронить как подобает. В конце концов,

мы не испытывали ненависти к тем смертным, которыми питались, и прекрасно понимали, что итак принесли достаточно бед их семьям, если таковые были. Я не испытывал ни малейшего чувства вины за свои деяния, но, определенно, обрел некоторое уважение к жизням простых смертных, стал лучше понимать их, видеть странную, непонятную мне красоту их суеты и нехитрых житейских радостей. Видимо, что-то подобное начинает испытывать опытный охотник, изучающий повадки и нравы зверей, которые станут его добычей и трофеями. Лишь одна мысль тяготила мое сердце.

Конечно, свет мой, я думал о Шарлотте. Сколь бы великой силой я ни обладал ныне, она была совершенно бесполезна в том, что касалось моей разбитой любви и надежд на счастливую жизнь с прекраснейшей из дев. Увы, какой бы вариант решения проблемы я ни придумал, он неизбежно приводил в тупик. В любом случае свадьба Шарлотты должна была состояться, чтобы обеспечить ее семье достойное существование, а ее отцу уход и лечение. Я мог убить ненавистного жениха, похитить своё сокровище, даже сделать ее такой же бессмертной как сам, но ее родных ждет страшная судьба в таком случае, чего она мне никогда не простит. Тем более я совершенно не предполагал, насколько приятно ей будет существование в виде ночного кровопийцы, какими ее пугали с детства. Чернейшая тоска сжала мое горло от этих умозаключений. Что ж, по крайней мере, мое сердце не ста-

ло совсем бесчувственным и холодным. Когда-нибудь, я либо изживу эту печаль, либо найду способ решить все в свою пользу.

А на тот момент были действительно более важные дела, чем предаваться сердечным терзаниям. Вильгельм, пребывавший в каком-то практически детском веселье, раздобыл пару бутылок вина и затащил меня на крышу старого склада, о существовании которого, похоже, все забыли не один год назад. «Оглянись по сторонам, Гёте, – воскликнул мой друг, – завтра на закате мы покинем это место и, вероятно, никогда больше не вернемся. Запомни хорошенько то, что тебе было здесь дорого!». «Что ж, выпьем тогда за успешный отъезд» – ответил я и сделал первый глоток вина в своей вечной жизни. И вкус и эффект разительно отличались от привычного. Теперь весь букет чувствовался сразу, равно как и состояние опьянения, которое сразу же накатывало ледяной волной, но через пару секунд его как не бывало. «Что ж, настала пора дать тебе несколько отеческих наставлений перед дорогой. Не отставай!» – с этими словами Вильгельм прыгнул с крыши.

8

Решив не забивать мозг лишними сомнениями, я спрыгнул с крыши склада вслед за своим другом. Высота была при-

личная и я, как минимум, должен был переломать себе ноги, однако приземлился как-будто прыгал со стола на пол. «Ах, Гёте, как же мне нравится твой азарт, – усмехнулся Вильгельм. – Эта отчаянная смелость, с которой ты бросаешься навстречу новым испытаниям, просто восхитительна. И, если раньше у тебя не всегда хватало сил вынести все, что приготовила для тебя госпожа Судьба, то сейчас ты способен пережить любые ее вызовы. Позволь же, наконец, сорвать все покровы с нашего естества, чтобы ты жил как полновластный господин своей жизни и своего мира, а не мой питомец». Здесь Вильгельм театрально взмахнул руками и сделал драматическую паузу. В целом, моя драгоценная, вы и так прекрасно знаете все то, о чем он мне поведал спустя минуту, однако я позволю себе привести его монолог полностью.

Мы неспешно зашагали в сторону церкви, тайные казематы которой стали нашим убежищем на ближайшие пару дней, и Вильгельм начал свой рассказ: «По сути, Гёте, ты сейчас не сильно отличаешься от простых людей, к которым мы оба принадлежали, ты – буквально еще вчера, а я – так много лет назад, что уже и не упомяну. Мы сильнее, наши чувства более развиты, мы не можем умереть от старости или болезней. Да что там – мы, вообще, не можем ничем заболеть. Однако в остальном, мы практически те же люди – нам необходима пища, хоть и своеобразная, мы можем чувствовать боль и даже можем умереть, если очень не повезет. Нач-

ну с плохого – умереть мы можем в одном из двух случаев. Во-первых, это солнце. Да, пожалуй, единственная из сказок о вампирах, которой можно верить, это сказка о смертоносности солнечного света. Все не так легко, как рассказывают глупые крестьяне, но опасаться надо. Открытый солнечный свет для нас подобен пламени ада, мы сгораем почти моментально. Если же ты укрылся в каком-нибудь подвале без окон, то вполне можешь бодрствовать днем, хотя и будешь испытывать некоторую вялость. Видимо, наша вечная бодрость и сила как-то связана с луной, ее фазами и прочей астрономической ерундой. Я никогда не интересовался.

Следующее, что тебе надо беречь как зеницу ока – это твой мозг. Да, мой добрый друг, твой мозг ценен не только как хранилище знаний и место рождения новых идей, но и как источник жизни. Для меня причины этого так же неясны, как и наша зависимость от времени суток, но это и не важно. Если получишь пулю в лоб, ты покойник и дядюшка Сатана с радостью поприветствует твою проклятую душу в своих владениях. Кстати, если тебе просто отрубят голову, то ты останешься жив. Сможешь, правда, только моргать глазами, но не умрешь. Некоторые из нас, кто обладает большой властью и богатой фантазией, имеют целые коллекции голов своих врагов. Я видел одну такую – довольно мерзкое зрелище. У полоумного герцога был зал, размером с бальный, отведенный сугубо под банки с головами, плава-

ющими в кровавом растворе, достаточно питательном, чтобы они не голодали и достаточно прозрачном, чтобы можно было видеть этих несчастных и они видели, что происходит вокруг. Еще говорят, что если такую голову хорошо пришить к телу, то она может прижиться. Признаюсь, даже думать не хочу, на чем основано это утверждение.

А еще ты можешь умереть с голоду. Да, если очень долго пробыть без крови, то сначала ослабеешь до полного изнеможения, а потом впадешь в странный сон, очень напоминающий смерть. Нет единого мнения, умираешь ли ты или из этого состояния можно вывести – нет ни одного из нашего племени, кто пережил бы этот сопор. Однако патриархи, прожившие много сотен лет, зачастую устают от бессмертия и добровольно покидают мир таким способом. Видимо, они думают, что отдохнув за гранью реальности, они смогут каким-то волшебным образом связаться с потомками, бережно хранящими их мумии, и вернуться к жизни. По мне, это просто трусливый способ самоубийства, нежели путь достижения просветления или обретения душевной гармонии. Хотя, повторяюсь, никто не изучал сопор, поэтому я могу и ошибаться».

«Погоди, – перебил я Вильгельма, – а почему так много непонятого в нашей жизни?». «Я думаю, что просто никому не интересно заниматься какими-то серьезными исследо-

ваниями, – пожал плечами мой проводник по миру проклятых. – Гораздо проще соблюдать нехитрые правила и жить в свое удовольствие. Нас же совсем немного. На всю Германию, хорошо, если наберется пара дюжин таких. К тому же, мы не горим большим желанием общаться с себе подобными. Тоже одна из загадок нашего сознания – все вампиры, как же я не люблю это слово, индивидуалисты в той или иной степени. Есть даже существа, крайне ревностно оберегающие свое одиночество, и готовы убить любого сородича, по неосторожности попавшего в их владения. Те же, кто говорит о кланах и семьях, по сути, не более чем слуги одного господина, довольствующиеся подачками с его стола и неспособные в полной мере вкушать радости бессмертия, а иногда и просто безвольные марионетки. Еще одной нашей бедой является полная бесплодность. Нам вовсе не чужды удовольствия плоти, но семя наших мужчин и лона наших женщин никогда не дадут потомства. Для некоторых это становится в тягость, и они заводят себе «детей», выбирая наиболее приглянувшихся из смертных. Участь таких чад довольно тосклива. Иные же забавляются более извращенным образом, держа обращенных в качестве домашних питомцев и обращаясь с ними соответствующим образом.

Но продолжим, осталось немного. Последнее и, пожалуй, самое важное, что я расскажу тебе, это значение крови. Кровь – всё! Она наша мать, наша пища и наш единственный

источник силы. Когда ты сыт, когда вены наполнены человеческой кровью, то твои раны затягиваются за мгновения, ты можешь разорвать в клочья самого сильного из смертных, можешь всего лишь парой слов заставить любого смертного исполнять твою волю и так далее. Если ты ведешь не сильно активный образ жизни, то крови обычного взрослого человека, тебе хватит на пару недель. Но, чем больше нагрузка на твой организм, тем быстрее ты проголодаешься. И тогда тебе необходимо выходить на охоту. Я заметил, что ты не испытываешь предубеждения против нее и призываю сохранить это отношение как можно дольше. Каждый из нас, рано или поздно, устает от подобной жизни, некоторые совершают самоубийства, некоторые впадают в безумие. Видимо, это способ, которым природа убирает слабые звенья, чтобы на их место пришли более жизнеспособные существа. Эта апатия может длиться и десять лет и более, но она всегда проходит. Со временем, все повторяется и снова проходит. У кого-то каждый раз длится дольше предыдущего, у кого-то – наоборот».

Вильгельм снова сделал паузу и, на этот раз, она была вовсе не театральной. Я положил руку на его плечо: «Ты не для того предложил мне дар вечной жизни, и я не для того его принял, чтобы отказаться от него из прихоти. Клянусь, что не позволю миру смертных взять надо мной вверх». Мой друг и создатель улыбнулся. Мы оба понимали, что это всего

лишь слова и, только столкнувшись с тяжестью пресыщения бессмертием, я узнаю по силам мне перенести ее или нет, но эти слова должны были быть сказаны. «Я верю тебе, мой добрый Гёте, – промолвил Вильгельм. – Я знаю, что ты с этим справишься. Теперь пойдем, укроемся от губительных лучей рассвета! А на закате пустимся в путь!». К этому моменту мы уже почти достигли нашего убежища. Когда же я устроился на своем ложе из ветоши, Вильгельм озадачил меня внезапным откровением: «Знаешь, Гёте, иногда мне кажется, что в мире есть еще кто-то, кроме нас. Кто-то... что-то... гораздо сильнее, опаснее...». Мой добрый любимый друг, если бы ты знал, насколько был прав тогда.

Глава третья

9

Со следующим закатом мы отправились в путь. Перво-на-перво, было решено добраться до Гамбурга, а там уже окончательно определиться, в каком уголке старушки Европы нам было бы милее провести следующие несколько лет или веков. Поскольку наш отъезд являлся скорее побегом, эта часть пути стала самой сложной и полной настоящих лишений и тягот, которых высшее бессмертное существо, казалось бы, не должно знать вовсе. Чтобы не привлекать лишнего внимания, мы избегали единственной широкой дороги в этих местах, и плутали по еле заметным зимней ночью лесным тропам. Дополнительной проблемой было то, что нам нужно было сооружать места для ночлега буквально из подручного материала и в гарантированном удалении от людских глаз. Конечно, зимой не так много людей бродило по лесу, но нам хватило бы и одного излишне любопытного крестьянина, чтобы сгореть в мучениях у него на глазах, когда он наткнется на наше «гнездо» и вытащит нас к солнцу, приняв за окоченелые трупы состоятельных господ, у которых может завалиться что-нибудь ценное.

Одежда наша, совершенно не предназначенная для по-

добных походов, истрепалась и походила на истлевшие лохмотья какого-нибудь нищего. Нам бы больше пригодились простое и надежное солдатское платье, но взять его было совершенно негде. Радовало только то, что холод мы практически не чувствовали, по крайней мере, я. Однако спустя неделю блужданий, начал напоминать о себе наш старый добрый друг голод. Как на зло, одиноких ферм не попадалось, а совершать набег даже на самую маленькую деревню было крайне рискованно. Пропажа одного-двух человек сразу же обнаружится и разъяренная толпа крестьян не успокоится, пока не прочешет всю округу, соответственно, очень велик шанс попасться им в руки днем, будучи полностью беспомощными. А устраивать бойню и вырезать всех жителей, было бы просто глупо, бессмысленно и не менее рискованно, потому что мы хоть и обладали силой, во много раз превышающей человеческую, все же не были совершенно неуязвимы, особенно в век довольно развитого, пусть и еще очень далекого от совершенства, огнестрельного оружия.

Спустя еще пару дней голодного существования, мы уже были готовы на самые отчаянные поступки, лишь бы была даже самая малая возможность насытиться. На третий день удача улыбнулась нам – на забытой самими Богом лесной дороге мы натолкнулись на двух знатных барышень, мать с дочерью, ехавших в сопровождении троих слуг по каким-то своим делам. Их экипаж занесло в кювет, и, пока слуги при-

водили все в порядок, дамы были вынуждены стоять на холоде, кутаясь в дорожные плащи и нервно переминаясь с ноги на ногу. В этот момент из темноты появились мы – в изодранных одеждах, изрядно уже чумазые и с горящими глазами, взгляд которых не предвещал ничего хорошего. «Далеко ли до Гамбурга, сударыни?» – учтиво поклонившись, спросил Вильгельм, не скрывая кривой плотоядной ухмылки. «Пару дней в ту сторону, если господа изволят пешком» – старясь сохранять невозмутимость, ответила старшая из дам, указав направление. Слуги оставили свою работу и неспешно стали приближаться к нам, чтобы, в случае нападения, защитить своих хозяек.

«Благодарю, мадам!» – промолвил я и в тот же миг мы с Вильгельмом набросились на слуг. Ночную тишь разорвали истошные крики наших жертв, наш рык и визг женщин, понимавших, что следующими будут уже они. Третий слуга успел достать пистолет и выстрелил в меня почти в упор. Пуля вошла в грудь с правой стороны, раздробила кости, прошла через легкое и застряла где-то возле позвоночника. Боль была адская, я взревел, наверное, как раненый медведь, но даже не пошатнулся. Ошарашенный слуга отбросил бесполезное оружие и бросился бежать, что было мочи. Далеко убежать ему не удалось – Вильгельм настиг его, повалил лицом вниз и принялся за свое мрачное дело. Я же осмотрелся по сторонам, выискивая наших любезных проводниц.

Барышня в возрасте опустилась на колени и сбивчиво молилась, а молодой особы не было видно. Зато, была видна цепочка следов, уходившая в лес. Оттуда же, раздавались слабые стоны, что немного удивило меня – Вильгельм доедал последнего слугу, а кроме нас никого в округе не было. Проследовав по следам и отойдя буквально пару шагов от дороги, я нашел источник этих стонов. Молодая барышня, в отчаянной попытке спастись, споткнулась и налетела на торчащую ветку, которая любезно пронзила ее живот насквозь. Я обнял несчастную за плечи. «Бедное дитя. Какая нелепая смерть» – тяжело вздохнув, я перегрыз девушке горло.

Вернувшись, я увидел, что оставшаяся дама по-прежнему стоит на коленях, а перед ней совсем вплотную стоит Вильгельм и нежно гладит ее по волосам, блаженно жмурясь и улыбаясь окровавленными губами. Подойдя еще ближе, я понял, что происходит. Спустя несколько минут, мой друг отстранился от дамы. «Прости, Гёте, но это все было так... восхитительно. Я просто не мог сдержаться, – жестом он пригласил меня подойти. – Возможно, милейшая и тебе не откажет в этой скромной любезности?!». Что ж, признаюсь, я более чем понимал своего товарища. Кровь, смерть, страх, женская беспомощность и покорность – это была гремучая смесь, которая будит первобытные инстинкты, даже в таких существах как мы. Я не без удовольствия последовал примеру Вильгельма. После всего, мы помогли нашей бла-

годетельнице подняться на ноги. «Сударыня, вы просто наше спасение. Мы пропали бы, если бы не вы» – сказал Вильгельм.

«Н-не стоит б-благодарности» – еле шевеля губами, ответила дама.

«Еще как стоит!» – Вильгельм поцеловал ее в щеку, я – в другую.

Спустя еще секунду мы с двух сторон впились ей в шею.

10

Покопавшись в вещах наших жертв, мы обнаружили сменную одежду слуг и нашей радости не было предела, когда оказалось, что размеры почти совпадают. Конечно, вблизи было заметно, что один камзол чуть больше, другой чуть короче, но мы не на званый ужин собрались, чтобы одеваться с иголки. Взяв еще кое-что из полезной в дороге мелочевки, мы поспешили покинуть место нашего славного пиршества. Возможно, вы удивитесь, моя милая, но мы не взяли ни одной монеты и даже не подумали искать украшения дам. Я знаю не один пример, когда представитель нашей породы занимался грабежом и, зачастую, делал целое состояние на этом, но мы с Вильгельмом были слишком

увлечены друг другом и той абсолютной, смертельно опасной свободой, которая внезапно свалилась на нас довольно тяжким бременем. Конечно, для моего друга наш поход в Гамбург был, хоть и опасным, но приключением, почти игрой, для меня же подобное было в новинку и вызывало гораздо больше опасений и волнения.

Наконец мы прибыли в Гамбург. Это поистине удивительный город, душа моя. Практически не изменив своих границ со времен Средневековья, Гамбург уже два века являлся очень важным, едва ли не для всей Европы, морским портом. Еще через сто лет его назовут «Морскими воротами Германии», а он останется таким же практически средневековым городом-крепостью, живущим по своим законам. Позже, гуляя по его улицам и бесконечным мостам, я понял, что именно эта страсть к независимости, к отстаиванию права жить так, как хочется тебе самому, и, при этом, не кутаться в обноски парии, а быть на вершине, крайне привлекает меня в этом городе, в каком-то смысле, роднит с ним. При иных обстоятельствах, я бы ни за что не покинул Гамбург до конца жизни, но тогда мы позволили себе лишь короткую передышку – слишком велико было мое желание отдаться свободному полету и оставить все немецкое где-то там, за горизонтом. В глубине души я понимал, что вряд ли на свете, по крайней мере, в старой доброй Европе, есть место, где я смог бы в полной мере вкусить прелесть своей новой жизни,

но я просто обязан был попробовать отыскать такой уголок.

Как я уже сказал, в Гамбурге мы пробыли совсем недолго, но и не сказать, чтобы совсем мимоходом. Первое, что сделал Вильгельм, когда мы попали внутрь городских стен, – раздобыл газету с объявлениями и начал вдумчиво ее листать. Среди сотен разных призывов, было одно невзрачное, написанное в высокопарно-меланхолическом стиле, больше всего походившее на рекламу плохого борделя. Что-то вроде «Скитающимся в ночи всегда рады в моем доме». Вот уж действительно – темнее всего под фонарем. Очевидно, Вильгельм знал, что делает и, спустя некоторое время, мы уже стучали в дверь приюта ночных скитальцев. Нам открыл худощавый мужчина, внешне средних лет, с медно-рыжими чуть выющимися волосами и ухоженной, но какой-то помятой, бородой-эспаньолкой, одетый в роскошный халат, навевавший мысли о загадочной Персии. Его безупречная, болезненная утонченность сразу выдавала в нем нашего сородича – смертным не дано познать тяжесть тысячелетней тоски, не дано отшлифовать ее до совершенства, их век слишком короток для этого. Но, будь я и с завязанными глазами в тот момент, я без труда понял бы, кто стоит передо мной. Это пленительное чувство, будто стоишь у края свежей могилы, до сих пор приходит ко мне, когда кто-либо из наших проклятых сородичей впервые появляется рядом.

Хозяина нашего нового пристанища звали Дитер и он жил в Гамбурге уже около трехсот лет. Дом его находился несколько в стороне от прочих жилых построек и не особо бросался в глаза. Пожалуй, нужно было очень сильно захотеть найти его, несмотря на нахождение практически в центре города. Немногочисленные соседи распускали разные слухи, но, в основном, считали, что хозяин дома живет не в Гамбурге и просто очень редко навещается сюда, если вообще навещается. Интерьер же дома поражал – мебели было не очень много, элементов декора еще меньше, но каждая, даже самая незначительная, вещь была настоящим шедевром. Не сильно ошибусь, если скажу, что продав гарнитур из гостиной, состоявший из трех кресел и небольшого дивана, можно было бы купить пару таких городков, как тот, из которого я сбежал почти две недели назад, вместе с жителями. Но главной ценностью особняка были слуги!

О, видели бы вы этих людей, моя дорогая! Начну с того, что это были действительно люди. Самые обычные смертные. Это была целая династия, верой и правдой служившая Дитеру аккуратно с 1510 года. С одной стороны, в этом, конечно, нет ничего удивительного, тем более что платили слугам более чем прилично. Но с другой – будучи вовлеченными в кровавый промысел своего господина, они, равно как никто из их предков, даже не думали прекратить его злодеяния, благо, возможностей для этого было множество. Такая

безграничная преданность и, не менее, безграничное взаимное доверие, просто не могли не вызвать глубочайшего восхищения. Отдельно отмечу, что все слуги в доме Дитера были прекрасно образованы и выполняли все поручения хозяйина с идеальной точностью, при этом, ни у одного из них я не заметил каких-либо признаков страха или гипнотического воздействия.

К следующему вечеру нам принесли новую одежду, по два костюма каждому – для прогулок по городу и для путешествий, однако мы решили посвятить эту ночь отдыху и размышлениям. Дитер был очень рад нашему решению и с удовольствием составил нам компанию в светской беседе, не забыв расспросить и про наши злоключения. Он оказался не менее интересным собеседником, чем Вильгельм и также разделял нашу увлеченность искусством, при этом являясь практически экспертом в разного рода торговых делах. Когда же мы пресытились общением, хозяин дома предложил нам не отказать ему в любезности и отведать изысканного угощения, которое он держит для особых случаев. Естественно, мы согласились и через несколько минут в центре комнаты стоял редкой красоты кальян из синего стекла и золота с тремя мундштуками. До этого мне не приходилось видеть кальян – их только-только начали завозить в Европу, но, будучи знаком с трубкой, я решил, что проблем у меня не возникнет.

Я взял полагающийся мне мундштук и затянулся. В тот же миг, меня будто унесло к небесам на невообразимой скорости, потом, так же молниеносно, низвергло вниз и разбило о землю вдребезги. Я, как старое зеркало, разлетелся тысячей осколков по всему свету, но не было никакого света. Была только знакомая мне пустая тьма безмятежности и каждый осколок парил в ней бесконечно долго. На самом же деле, вечность уместилась в те несколько секунд, что дым был в моих легких. Дитер заметил мое удивление от испытанных ощущений и усмехнулся: «Это называется гашиш, мой друг. Удовольствие, доступное не только бессмертным! Но для нас оно имеет особый вкус!». «О, да! Это было божественно!» – я откинулся на спинку кресла, все еще находясь под впечатлением. Еще через какое-то время в комнату вошли две девочки и мальчик. Всем лет по четырнадцать-пятнадцать на вид, внешне же они напоминали персов. Мальчик подошел к Дитеру, девочки – ко мне и Вильгельму. Дитер кивнул, и наши гости сели на пол и смиренно протянули нам свои запястья. «Прошу, не стесняйтесь моего угощения, – молвил наш ценитель восточных чудес. – Они по-особенному вкусны, не так, как наши. Прошу только об одном: постарайтесь не выпить их полностью». Снова затянувшись, я наклонился к услужливо подставленному запястью и мир снова разлетелся на тысячи осколков.

В Гамбурге мы пробыли около двух недель. За это время мы отдохнули и тщательно подготовились к дальнейшему путешествию, успев заодно посмотреть достопримечательности города, какие только были доступны в вечернее и ночное время. Оказалось, что гости у Дитера бывают весьма редко, поэтому в его доме мы ни в чем не знали отказа и получили полную его помощь и поддержку в реализации наших планов. Был подготовлен специальный экипаж с двумя надежными людьми, который доставит нас сначала в Прагу, затем в Вену и, наконец, в Венецию. Со скрупулезностью опытного купца, Дитер составил наиболее удобный для наших условий маршрут, просчитав каждую мелочь, каждую минуту нашего путешествия. В некоторые моменты он погружался в работу настолько, что казалось, будто в его мире не существует ничего, кроме этих вычислений. Видимо, действительно, каждый из нашего рода одержим какой-либо страстной привычкой, способной практически полностью оторвать его от реальности.

Продолжение нашего путешествия по Европе было гораздо более длинным, но несравненно более комфортным, чем путь до Гамбурга. Наши извозчики строго следовали инструкциям, составленным Дитером, в результате чего наш путь, хоть и был крайне петляющим, являлся од-

ним из самых безопасных, какие только можно придумать. Дни мы проводили в пути, а к закату приезжали к какому-нибудь придорожному постоялому двору, деревеньке либо небольшому городу. Соответственно, проблем с пропитанием и ночлегом не было ни у нас, ни у слуг. Слуги стали еще одним подарком судьба – два крепких малых, довольно мрачных и неразговорчивых, но четко выполняющие свою работу и не задающие лишних вопросов. Конечно, мы сильно рисковали, полностью доверяя свою жизнь смертным, но с этим риском был связан любой способ передвижения по континенту, да и у Дитера не было особых причин нас обманывать и предавать, опять же, он вполне мог это сделать, пока мы гостили у него дома.

Дитер также сообщил нам адреса нескольких наших соотечественников в Праге и Вене. У кого-то из них мы могли найти пристанище, чтобы отдохнуть от дороги и иметь возможность познакомиться с местными достопримечательностями. Вильгельм уже успел не раз посетить все крупные города Европы и не особо горел желанием блуждать по ночным улицам, для меня же все это было впервые и иногда походило на какой-то сказочный сон, в котором сбывается все, о чем только пожелаешь. Пражские красоты крайне способствовали заживлению сердечных ран, и я практически полностью открылся для новой жизни, которая представлялась мне еще более прекрасной, чем ранее, несмотря на те трудности, что

мне пришлось преодолеть и, во много, именно благодаря им. Будучи простым смертным, я никогда не решился бы даже на одну десятую всего того, что уже совершил. И я понимал, что это далеко не предел моих возможностей. В моей юной душе снова разгорался огонь желания противостоять вызовам судьбы. И судьба не заставила себя долго ждать.

Вызов был брошен буквально на третью ночь нашего пребывания в Праге.

Да, ваш добрый глупый Гете снова ошибся!

Сказочные сны имеют свойство превращаться в кошмары.

Было слегка за полночь. Блуждая по городу, я забрел в один из окраинных районов, где жили не самые богатые люди, но и не совсем оборванцы. При этом, улицы были более пустынными и темными, чем прочие в городе. Заметив эту перемену, я притормозил и более внимательно осмотрелся. Луна не была затянута тучами, фонарей было столько же, сколько и в других кварталах для среднего класса, но, все равно, создавалось ощущение, что вокруг клубится какая-то дымка. И какой-то тонкий, потусторонний запах сырости, от которого по коже забегали мурашки. Согласитесь, душа моя, сложно заставить бессмертное существо, чья сила во много раз больше человеческой, нервничать и испыты-

вать, если не страх, то очень сильный дискомфорт. Через пару минут я, конечно же, взял себя в руки, но решил побыстрее покинуть этот район и вернуться к своим друзьям. Пройдя пару кварталов, я заметил девушку, из тех, что предлагают интересный досуг полуночникам и решил, что неплохо было бы успокоить нервы.

Вокруг не было ни души, и я набросился на нее прямо посреди улицы.

Она даже не пыталась сопротивляться и казалась безжизненной куклой.

«Не обижай мою девочку!» – услышал я омерзительный голос сзади.

Я прервал трапезу на середине и разжал руки от неожиданности. Девушка рухнула на землю и застонала, зажимая рукой рану на шее. Я обернулся... И тут мне стало действительно страшно. В десятке шагов от меня стояла босая женщина невысокого роста, с непокрытой головой и замотанная в какое-то бесформенное тряпье. Несмотря на типично старческую полноту и дряхлость, держалась она достаточно ровно, напоминая позой скорее кабацкого задиру, чем старуху. Руки ее заканчивались непомерно длинными узловатыми пальцами с кривыми когтями, а стопы были разверну-

ты в обратную сторону. Я до сих пор не хочу знать, каким противоестественным способом такие твари передвигаются, вопреки всем законам природы. Глаз у существа не было, то есть, совсем не было – глазницы были затянуты желтоватой кожей. Из лба торчал какой-то отросток с шишковидным окончанием, видимо, им тварь и смотрела на окружающий мир. Губ тоже не было, рот был наполнен острыми клыками, из-за которых периодически показывался длинный раздвоенный язык.

Я инстинктивно попятился. Не зная, на что способно это существо, я решил не рисковать, исходя из того, что оно явно меня не боялось и, вероятно, готовилось напасть. Тварь ковыляющей походкой пошла в сторону моей окровавленной жертвы. «Никчемный ублюдок, – зашипело существо, – Разве тебе не сказали, что нельзя здесь кормиться?! Бедная, бедная моя девочка!». Подойдя вплотную к девушке, старуха опустилась на колени и жадно втянула воздух. «Как же сладко ты пахнешь, дорогая... – в следующий миг малейшие нотки жалости исчезли из ее голоса. – Тупая шлюха! Сама виновата!». С этими словами существо вцепилось несчастной в горло и начало буквально рвать ее на части. Нет, милая моя, не страстно, как делал это Вильгельм, когда отворял передо мной двери бессмертия. Эта тварь вырывала куски мяса и пожирала, теперь уже, свою жертву заживо, жадно чавкая, заливая все вокруг кровью.

Я стоял и смотрел на это будто замороженный.

Существо повернуло свою мерзкую голову в мою сторону.

Оно улыбнулось, и я понял, что буду следующим.

12

И я побежал. Это был едва ли не единственный раз, когда я убегал от демонов, но мне нисколько не стыдно в этом признаться. Тогда это было, действительно, единственно правильное решение, поскольку я совершенно не представлял, с чем имею дело. Да, счастье мое, возможно, вы не поверите, но мне было страшно. Точнее, я переживал целую гамму эмоций, но все они сводились к одному – к колющему, холодному страху, намертво присосавшемуся к моему загривку. Видимо, что-то похожее чувствовал Икар, вознесшийся к солнцу, когда оно сожгло воск его крыльев. Минуту назад ты венец творения, практически равный богам, а сейчас бежишь по темным кривым переулкам сломя голову, как недавно бежали люди, чью кровь ты собирался выпить. Ты жалок, Гете, все твое бессмертие и бравада жалки и бессмысленны! Довольно тебе упиваться собственным могуществом, которого у тебя никогда не было.

Которое ты сам себе придумал!

Твоя смерть уже рядом. Совсем-совсем близко.

Или нечто более страшное, чем смерть...

Позади я услышал топот существа и его хищное шипение. Похоже, оно окончило свою трапезу и сейчас находилось на самом пике охотничьего азарта. Но, с какой же скоростью оно передвигается?! У меня не было времени на раздумья, но я попробовал успокоить себя мыслью, что тварь просто знает более короткий путь. В любом случае, сбавлять темп было нельзя – это моментально дало бы демону преимущество. Беги, Гете, беги, напыщенный дурак! Спасай свою шкуру! Тем временем, оказалось, что я почти добежал до берега Влтавы. Оставалось пересечь реку, пробежать еще пяток улиц и я буду в безопасности, рядом со своими друзьями. Наверное. Или же приведу страшную смерть вслед за собой. В крайнем случае, я был готов кинуться в реку, надеясь, что существо не очень хорошо плавает. Но до моста я не добежал буквально пару дюжин шагов. Истошно зашипев, демон прыгнул мне на спину, и мы кубарем покатались по мостовой.

Я изо всех сил пытался сбросить мерзкую тварь с себя, но все попытки были тщетны – в своих панических конвуль-

сиях, я лишь еще глубже загонял ее когти в свою плоть. «Не дергайся, красавчик, – шелестело у меня над ухом, – ты только хуже себе сделаешь. Расслабься, скоро все кончится». Клыки демона с лязгом сомкнулись на волосок от моей шеи. Сейчас эта тварь перекусит шейные позвонки и я на себе проверю насколько врал Вильгельм, рассказывая про живые головы вампиров. Может, она тоже является собирателем таких отвратительных трофеев?! Несмотря на то, что я совершенно пал духом, желания это выяснять у меня не было. Собрав оставшиеся силы, я медленно, но упорно, пополз к мосту. План был прост – встать на ноги, держась за перила, и прыгнуть в реку, понадеявшись на удачу. Сейчас я нахожу эту идею самой бессмысленной из всех, какие только можно было придумать, но тогда она действительно спасла мне жизнь. Хотя, и совсем иным образом, чем я думал.

Фактически, проползти мне нужно было совсем немного, но тварь, с упорством равным моему, старалась не допустить этого. «Не смей! – завизжала она, вместо привычного шипения, когда я все-таки достиг цели. – Не смей туда лезть! Прочь!». Да! Демон испугался! В то же время, он стал с еще большей яростью пытаться откусить мне голову. Те несколько секунд, что я карабкался по перилам в попытках встать ровно, показались мне вечностью. Наконец, приняв вертикальное положение, я развернулся спиной к перилам и из всех сил врезался в них, впечатывая тварь в тол-

стый черный металл. Демон взвыл от боли и ослабил хватку. Еще пара таких ударов и он полностью разжал свои лапы. Я был свободен от своего омерзительного наездника. И теперь я был очень зол. Раз это отродье чувствует боль, значит, его можно убить. Значит, оно не настолько совершеннее меня, чтобы его бояться и убегать, поджав хвост.

Пошатываясь, я отошел от перил и обернулся, рассматривая своего противника. Тварь медленно отползала от меня вглубь набережной. Вероятно, я сильно повредил ей спину, потому что полностью подняться на ноги она так и не смогла. Мы оба были измотаны и изранены, ночь подходила к концу (что-то мне подсказывало, что я имею дело с таким же ночным жителем, каковым являюсь сам), ни один из нас не хотел отступать, значит, все решится в ближайшие минуты. Два хищника кружили друг вокруг друга, прицеливаясь и тщательно высматривая уязвимые места своего врага. Теперь уже демон был удивлен и напуган, а я, наоборот, – спокойно и холодно оценивал обстановку. Это давало мне небольшое преимущество, которое могло сыграть решающую роль в моей победе, но могло и погубить, если я неправильно рассчитаю силы. Тварь прыгнула. Вопреки ее ожиданиям, я рванулся ей навстречу и перехватил еще на подлете.

Кривые когти вонзились мне в бока, а клыки – в ключицу.

Повалив демона на землю и придавив собой, я схватил торчащий «глаз».

Резко дернув, я вырвал жилистый отросток изо лба существа.

Тварь задергалась в конвульсиях, издавая жуткие вопли. Из раны фонтаном била темно-красная густая жидкость, то ли кровь, то ли какой-то гной. Я совершенно не хотел знать, что в венах этого существа. Тем не менее, оно было еще живо. Слепо и изувечено, но живо. Что ж, подумалось мне, это хорошая возможность проверить, почему ты так боялась моста. Стараясь не измазать себя в «крови» демона еще сильнее, я подтащил его к перилам моста. Видимо, он чуял воду каким-то подсознательным чутьем, потому что стал вырываться изо всех оставшихся сил, но все было тщетно. Я перекинул тварь через перила и сбросил в воду. Она издала истошный вопль, от которого, как мне показалось, задрожали окна ближних домов, и стала буквально разваливаться на куски, источая ужасающий запах тухлых яиц и гниющей плоти. Вскоре от демона ничего не осталось. Дождавшись, пока мои раны хоть немного затянутся, я побрел к дому, в котором мы с Вильгельмом остановились. Рассвет был уже совсем скоро.

Глава четвертая

13

Наверное, не покажется странным, что мне было довольно сложно объяснить Вильгельму и Карлу, так звали хозяина нашего пражского приюта, что со мной произошло этой ночью. Мало того, что со стороны это выглядело как тяжкий бред, так еще и я сам с трудом верил в реальность этих событий. Только моя изможденность, изорванная одежда и не до конца зажившие раны подтверждали, что все произошло на самом деле. Мои друзья были в недоумении – никто из них никогда не сталкивался ни с чем подобным и не слышал никаких достоверных слухах о таких существах или ком-то похожем. Конечно, народные легенды по всему миру пестрят самыми немыслимыми и противоестественными тварями, а средневековые чернокнижники заполнили не одну сотню страниц различных гримуаров подробными описаниями адских отродий, но в наш век торжества рационального мышления, логики и экспериментальной науки, ни один образованный человек в здравом уме не стал бы даже допускать вероятность существования всего этого в реальном мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.